

Даля Трускиновская

Рог Роланда

Даля Трускиновская

Рог Роланда

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Рог Роланда / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

ISBN 978-5-457-21662-4

ISBN 978-5-457-21662-4

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская

Рог Роланда

Они нашли общий язык – странноватая длинноногая девица, от которой Каменев сперва не знал как избавиться, и почтенный менеджер по кадрам, который сперва произвел на Алиску впечатление монументального, окончательного и бесповоротного болвана.

Но и Каменев болваном не был – просто с незнакомыми, да еще пришедшими наниматься на работу по объявлению, напускал на себя важный вид, делал круглое лицо с двумя подбородками каменным, и Алиска на третьей минуте разговора тоже больше не казалась странноватой.

Оказалось – оба люди начитанные, и весьма. Уже и непременно для правильного собеседования кофе остыл, и за окном помутнело, а эти двое все никак не могли наговориться. Тем более, что и кабинет Каменева располагал к утонченной беседе – стояли там большие шкафы со стеклянными дверцами, а за стеклами едва виднелось старое тусклое золото слов на книжных корешках.

– А знаете, Геннадий Алексеевич, какой персонаж «Песни о Роланде» у меня любимый? – спросила Алиска.

Тут Каменев задумался – в вопросе был подвох. Персонажей, если навскидку, было два – Роланд и Оливьер. Потом вспомнились император Карл Великий и архиепископ Турпин. Еще какие-то мавры непроизносимые, мавританская царица... Гвенелон!

Добравшись до графа-предателя Гвенелона, Каменев решил, что теперь уже точно все. И что же эта студентка имела в виду? Император и архиепископ – седобородые старцы, мавры – все на одно лицо, царица отпадает, Гвенелон – уж точно!

– Роланд бесстрашен, Оливьер разумен, бесстрашием они равны друг другу, – ответил Каменев цитатой: пусть девочка видит, что он ищет в верном направлении.

– Тьедри, – возразила она. – Тьедри д'Анжу. Брат Джефрейта д'Анжу, знаменосца Карла Великого. Не помните?

– Тьедри? – переспросил Каменев.

– Вот и все так. Все помнят «Песнь о Роланде» до того места, когда Карл слышит Олифант, возвращается, оплакивает Роланда и устраивает похороны. А что было потом?

– Потом судили предателя.

– И что?

– Осудили.

– Нет! – воскликнула Алиска. – В том-то и дело, что бароны его оправдали!

– Как – оправдали? – удивился Каменев. Он точно помнил, что Гвенелон к концу «Песни» погиб.

– Она у меня с собой, – сказала Алиска и достала из сумки желтый томик. Каменев успел удивиться тому, что современная девушка не расстается с такой неожиданной книжкой, но она уже раскрыла заложенную трамвайным билетом страницу...

* * *

Сперва в седле привстал Готье, рыцарь из Пуату. Потом – Годсельм, его побратим, родом из Оверни. Воины поворачивали головы, а иные и щурились, как будто это могло обострить слух.

Звук шел издалека, звук был прозрачен, звук таял...

– Олифант! – воскликнул Готье.

– Клянусь святым Элуа – Олифант! – подтвердил Годсельм. – Кто бы поверил, что его звук покрывает три десятка лье?

Певучее наречие барона Раймбаута из Прованса рыцари разбирали с трудом, но смысл уловили – с такой широкой и мощной грудью, как у графа Роланда, можно многого добиться от замечательного рога из слоновой кости.

Войско растянулось на несколько лье, доблестные бароны ехали попарно, беседуя, за каждой парой слуги везли доспехи и добычу, где-то посередине был король со свитой, и пока выходили из Ронсевальского ущелья, пока дорога вела вниз – его еще можно было видеть, статного, в алой мантии, но на равнине он исчез, затерялся в рядах всадников, и лишь на поворотах вновь возникал – алым проблеском в кожаных рядах. Не всем франкам был по карману сарацинский кольчужный доспех, многие обряжались по старинке, в кожаную чешую.

И там, среди свиты, возникло смятение – Карл тоже сперва повернул крупную львиную голову, потом приподнялся в стременах и верно определил направление, откуда шел невесомый, прерывистый звук.

– Дерутся наши люди! – воскликнул король.

– С кем бы им там драться? – надменно спросил граф Гвенелон и обвел взглядом встревоженную свиту. – Сарацины разбиты и зализывают раны. Ты ослышался, мой король.

Но рядом с Карлом насторожился Немон Баварский, воинственный старец, у которого отнял Господь юношескую остроту зрения, наградив взамен слухом, как у пугливого зайца.

– Клянусь Пресвятой Девой, Олифант! – подтвердил он.

И уже мчался от головы колонны, доверив королевскую орифламму оруженосцу, доблестный рыцарь, знаменосец Карла Джефрейт д'Анжу.

– Мой король, или я обезумел, или граф Роланд зовет нас на помощь!

– А даром он звать не станет, – подтвердил Немон. – Плохо дело, коли он взял в руки Олифант.

– Там бьются наши люди! – Карл был в растерянности: зная, на сколько лье удалилось войско от Ронсевала, где он оставил арьергард во главе с племянником, король уже понимал, что прискакать на помощь не успеет, но верить в это не желал.

– Опомнись, король! – Гвенелон возвысил зычный голос, привычный перекрывать шум любой схватки. – Или ты не знаешь всей дерзости графа Роланда? Вспомни, как он без всякого приказа взял Нобли, учинил резню, а потом велел таскать воду ведрами и поливать кровавый луг, чтобы уничтожить следы сражения!

– То был приказ, а то – уговор, – возразил Немон Баварский. – Голос Олифанта – знак беды и просьба о помощи. И не думаешь ли ты, граф, что я спутаю Олифант с любым другим рогом? Только у Роланда рог из слоновой кости! Второго такого в войске нет!

– Разве мы все не знаем графа Роланда? – Гвенелон обратился уже не к королю, не к Немону с Джефрейтом, а к свите. – Должно быть, граф заскучал, выехал на охоту и, гонясь за дичью, не удержался, схватил любимый рог и на скаку затрубил! Никакие сарацины ему не угрожают, наш арьергард в безопасности. А если и будет небольшая стычка – то у Роланда достаточно бойцов, чтобы разбить любой отряд.

Пока они пререкались, кони встали, и все войско, ехавшее шагом, тоже придержало коней. Кто любопытнее – по обочине, по траве подъехал поближе. И был среди этих любопытных барон Тьедри, младший брат Джефрейта, больше похожий на старшего сына Анжуйца – он не выдался ростом, не раздался и ширишь, как это бывает с силачами, худое лицо покрывал темный загар, как будто испанское солнце за год военного похода нарочно более постаралось для Тьедри, чем для прочих франкских баронов. Черные, неровно остриженные волосы падали на лоб едва ли не до самых глаз, быстрых и внимательных.

Он протиснулся поближе к плечистому брату, словно бы желал в час склоки оказаться под его защитой. Но человек знающий сразу бы определил намерение Тьедри – он готовился

защищать Джефрейта, и тот это знал, и был спокоен – никто не посмеет подобраться к нему слева или сзади, пока рядом – младший.

– Почему ты так упорно удерживаешь нас, граф? Наши люди дерутся в Ронсевале, и они попали в беду! – воскликнул Немон Баварский. – Давно ходили слухи, что ты ищешь гибели графа Роланда! Недаром ты нас удерживаешь!

– В чем ты упрекаешь меня, Баварец? – возмутился Гвенелон. – Возьми свои слова обратно!

– Тогда и ты возьми свои слова обратно, Ганелон! – Немон Баварский повернулся к Карлу. – Разве не он присоветовал тебе, король, оставить Роланда со сторожевым полком в Ронсевальском ущелье? Разве не клялся, что сарацины не посмеют преследовать нас, разве что какая-либо дюжина совсем отчаянных сарацинских баронов? А теперь он же не желает, чтобы мы пришли на помощь графу Роланду! Уж коли это – не предательство, то что же тогда звать предательством?!

– Тебя предупреждали, король, – добавил граф Джозеран Нормандский. – Но ты не внял. А теперь мы услышали Олифант и растерялись, как малые дети!

Оба Анжуйца молчали. И лишь когда заговорил Нормандец, переглянулись. Граф Гвенелон явно оставался один против всех.

– А ведь твой племянник заранее знал, что Гвенелон предаст его! – Немон Баварский заговорил быстро, уже по-старчески невнятно, однако горячо и убежденно. – Я повторяю – кто, как не Гвенелон, предложил поставить Роланда во главе арьергарда? Недаром, недаром удерживает он нас!

– Он предал Роланда! – загремел граф Оджьер Датский, рыцарь пылкий и справедливый. – Трубите в рог, друг Джефрейт! О, если б нам застать Роланда в живых!

Но Анжуец смотрел на короля.

Карл казался каменным изваянием. Даже длинные волосы не отлетали, повинувшись легкому ветру. Он глядел на седельную луку, почти уперев в броню подбородок. Большие вислые усы, как у большинства франкских баронов, чуть шевельнулись – Карл хотел вымолвить слово, но голоса в горле не оказалось...

Карл знал – будь у арьергарда надежда на победу, Роланд бы не позвал на помощь. И если бы он погибал по своей вине – тоже не унизился бы до такого зова.

– Нас предали! – вот единственное, что хотел он сказать перед смертью своему королю и родственнику. – Мы преданы и мы погибли!

– Трубите, доблестный рыцарь, пусть франки надевают броню, – отрывисто сказал Немон Баварский Джефрейту.

Джефрейт поднес к губам рог, набрал в мощную грудь побольше воздуха и затрубил. Звук набирал силу, стлался над равниной, проник и в ущелье, откуда вышли франкские дружины.

Трубя, Джефрейт поскакал вдоль строя.

– Седлайте Тасендюра! Несите королю доспехи! – велел барон Антельм из Майнца. – Мы возвращаемся в Ронсеваль, бароны! Оруженосцы, подайте королю его Джойоз!

– Монджой! – закричал Датчанин, развернулся в седле и повторил боевой клич франков, чтобы слышали и повторили все дружины.

Тьедри опомнился, подбоднул шпорами коня и поскакал за Джефрейтом. Его место в походе и в бою было при старшем брате и при святой орифламме.

* * *

– Очень любопытная версия, – согласился Каменев. – Но вы, кажется, преувеличиваете. Вряд ли нашелся в средние века монах, который переписал «Песнь о Роланде» лишь для того,

чтобы главным героем сделать Тьедри д'Анжу. Это для средневековых монахов чересчур мудро.

– Так только кажется, они были не глупее нас с вами, – возразила Алиска. – Вот вы скажите – кого из героев «Песни» этот самый Турольдус описал подробнее всех? Единственного? Чей портрет нарисовал?

– Тьедри, – сразу поняв, к чему девушка клонит, отвечал Каменев. Хотя на ум пришли смешные слова – всех доблестных рыцарей, включая Гвенелона, неизвестный автор хвалил одинаково: «широкоседр и статен».

– Не Роланда, не Оливьера, не Карла! Карл вообще там только и делает, что рыдает и рвет свою седую бороду! – Алиска не могла скрыть возмущения. – Не Брамимонды!...

«Сарацинская королева?...» – спросил себя Каменев, но не вслух.

– А только Тьедри д'Анжу! Вот, вот, тут...

И лицо девушки преобразилось. Она заговорила нараспев, подчеркивая чеканку ритма и возвышенность стиля:

– Увидел Карл, что всеми он покинут.
«О, горе мне!» – воскликнул он в печали,
Поник челом; к нему Тьедри подходит —
Джефрейта брат, анжуйского владыки. —
Был смугл лицом Тьедри, он худ и тонок,
И невысок, но строен и проворен,
И волоса его черны!...

Алиска торжествующе замолчала.

– Пусть так, – и Каменев покачал крупной головой. – Но мы, кажется, отвлеклись от темы. Простите, забыл – на каком вы курсе?

– На четвертом. Если вы меня возьмете на полставки, это учебе не помешает. Я знаю, какой у вас график – с семи до часа ночи, потом с часа до семи утра. А у нас лекции два раза в неделю с половины девятого, три раза в неделю вообще с половины первого!

– Ну, что же... Говорите вы убедительно. Я даже заслушался, – Каменев усмехнулся, встал и вышел из-за стола. – «Песнь о Роланде» – тема вашей курсовой?

Алиска помотала головой.

– Я возьму вас сперва на месяц. Мы не можем брать без испытательного срока.

– Это я понимаю.

– Но вы не думайте, что это такая уж романтическая работа. Грязи наслушаетесь, пошлости, истерик...

– Я знаю. Но мне это нужно для дипломной.

– Что – истерики?!?

– И они тоже. У меня такая тема!...

Тут Каменев вздрогнул – время было позднее, его ждали дома, а увлеченная студентка могла опять усадить его в кресло и начать речь куда длиннее той, что про горестную судьбу Роланда.

Алиска все поняла.

– Так когда мне выходить? – осторожно спросила она.

– С понедельника – вас устроит?

– Вполне!

Она ушла, а ровно две минуты спустя, сбивая лежавшие на столе бумаги в ровную стопку, Каменев заметил желтую книжку – «Песнь о Роланде».

Он усмехнулся – и странные же мысли посещают студентов, непременно им все нужно вывернуть наизнанку и взгромоздить с ног на голову! Песнь – о Роланде, прочие персонажи нужны постольку, поскольку связаны с Роландом... а чем она, кстати, завершается?...

Он открыл наугад – и попал на страницу двести пятнадцатую. Строфа занимала лишь ее верхнюю часть. И две строки были помечены сбоку короткой вертикальной чертой.

– Погиб он смертью труса... Да не станет Никто своей изменой похвалиться! – вот что прочитал Каменев, хмыкнул и перелистнул страницу. Дальше были всего две строфы – король впопыхах окрестил мавританскую царицу-пленницу и выслушал доклад об очередном нападении сарацин. И – все! Тот, кого звали Турольдом, утомился и прервал свой труд.

Главное он уже успел сказать, подумал Каменев, теперь и отдохнуть не грех.

И задумался с книжкой в руке. Было ему о чем задуматься, ох, было, и хотя он как человек верующий честно пытался истребить в себе плохие мысли, память оказалась неистребима, и странная студентка, которую он только что взял с месячным испытательным сроком в телефонную «службу доверия», все так некстати разбередила...

* * *

– Перевьючь лошадей, – негромко приказал Тьедри. – Доспехи понесет гнедой, а мешки можно пристроить у тебя за седлом. И если еще раз потравишь коней – быть тебе битым.

Он был без брони, в белой льняной рубашке, белых же штанах, в синей тунике с поредевшей золотой бахромой, в сандалиях со шпорами поверх кожаных чулок – так, как ехал по безопасной местности, так, как ходили почти все во франкском лагере во время дневки. И даже оружие оставил в палатке, но от его небольших, сухих, загорелых кулаков лучше было бы держаться подальше – удар Тьедри имел стремительный и меткий.

– Так ведь только буланый и нажрался этой проклятой, дьявольской травы! – возразил Гийом, простой вассал, заменивший убитого оруженосца.

– Кто позволил тебе выпускать коней по росе на незнакомом лугу? – строго спросил Тьедри. – Ты бы сперва убедился, что все травы доброкачественны. Ни за что не поверю, будто ты впервые увидел эти мерзкие желтые цветочки и ничего не знал о их свойствах! Если это Божье наказание мокрым попадает коню в брюхо, коня так пучит, что он, трижды «Отче наш» прочесть не успеешь, околевает!

Буланый, которого он держал в поводу, тяжело дышал, глаза у него налились кровью, ноги он поставил едва ли не все четыре вместе, подводя их под разбухший живот.

– Но коли сразу не околеет – поправится! Я буду водить его там, за палатками, пока ему не полегчает! – пылко пообещал Гийом. – И раздобуду колесной мази. Если взнудать веревкой, которая смазана колесной мазью, бывает спасительная отрывка...

– Помолчи!...

Тьедри повернулся и некоторое время прислушивался. Его ровные черные брови сошлись, усы чуть вздернулись – так скалится дикий зверь, недоумевающая, но уже готовящаяся к схватке.

Невольно стал прислушиваться и Гийом. Но обычный шум военного лагеря не внушал ни малейшей тревоги.

– Это Олифант, – сказал Тьедри. – Клянусь святым Элуа – это Олифант!

Гийом на всякий случай отступил на шаг.

– Господь и Пресвятая Дева с вами, молодой хозяин. Олифант разбит, и обломки лежат в государевом шатре, – осторожно напомнил Гийом, обратившись к Тьедри так, как привык издавна.

– Я сам прекрасно знаю, что он разбит! Но ты прислушайся! Разве ты его не слышишь?

– Нет, молодой хозяин!

– Странно это... – молвил Тьедри.

– Да и с чего бы ему звучать? – видя, что сюзерен в неловком положении, продолжал Гийом. – Ведь мы сделали все, что могли. Мы прискакали в Ронсеваль, мы догнали горцев, мы их крепко поколотили – разве не так? Кто мог думать, что горцы обрушатся сверху на арьергард? Такие же христиане, как и мы?! Мы нашли тела графа Роланда, Оливьера, прочих пэров, архиепископа... Мы возьем их с собой – вон палатки бретонцев, они везут графа Роланда... Скоро мы вернемся домой и с честью похороним их... и их души на небесах прекрасно это знают!

– Но почему же я слышу Олифант? – оценив доводы Гийома, спросил Тьедри. – Может быть, граф Роланд хочет мне о чем-то сказать?

Гийом размашисто перекрестил молодого хозяина.

– Ложитесь-ка вы лучше спать, а я буду водить буланого, пока ему не полегчает... – тут Гийому на ум пришла разумная мысль. – Должно быть, это какой-то другой рог. Кто-то весь день охотился в лесу и теперь созывает слуг, чтобы все собрались у костра.

– Ты тоже слышишь?

– Нет, молодой хозяин! Но...

– Это Олифант, его ни с чем не спутаешь... – безнадежно произнес Тьедри. – Или я впадаю в безумие, или граф Роланд зовет меня. А третьего не дано.

– А для чего бы вы ему понадобились? Даже если он домогается гибели предателя – при чем тут вы, молодой хозяин? Мы вернемся домой, король соберет всю знать, принародно обвинит графа Гвенелона, а собрание равных решит, как с ним быть. Вы же, молодой хозяин, всего один барон в собрании равных. Коли на то пошло, граф Роланд, упокой Господи его душу, должен был бы обратиться к своему дядюшке, чтобы наш король настойчивее добивался кары для предателя. Но как решат графы и бароны – так и будет.

Тьедри, слушая Гийома краем уха, стоял в тревожном напряжении – пытался понять, точно ли ему еще слышится далекий и протяжный звук Роландова рога, или это случайные проказы эха. Но последние слова оруженосца снова разбудили голос...

– Есть еще и Божий суд, – коротко ответил Тьедри.

Спорить с ним Гийом не рискнул.

* * *

Кабинки стояли у стены впритык, их было три, в каждую вела двойная дверь, обеспечивавшая почти абсолютную тишину внутри. Было в каждой по широкому столу и по удобному стулу с подлокотниками, оставался еще пяточок на полу, чтобы поставить сумку или портфель. На столе разместились маленький пульт, динамик, лампа и микрофон на длинной гибкой ноге.

– Вот твоя кабинка, – немолодая женщина, явно ветеран «службы доверия», подвела Алиску к двери.

Она была в старом костюме того унылого делового стиля, который способны терпеть только окончательно махнувшие рукой на свою женскую сущность особы. Но, если вдуматься, какой смысл наряжаться на ночное дежурство? Для того, чтобы просидеть несколько часов в кабинке, как раз и нужен давным-давно растянувшийся по форме живота и бедер трикотаж. Сообразив это, Алиска пожалела, что принарядилась и заявила в новых, малость узковатых художественных джинсах с лиловыми разводами.

– Мы берем с собой термосы с кофе, – продолжала женщина, пока Алиска ставила впритык к стене свою сумку. – Буфет работает до девяти, так что булки и бутерброды лучше приносить с собой. Ты у нас кто – психолог?

– Четвертый курс, – подтвердила Алиска.

– Очница?

– Ага. У вас тут Наташа Бычкова работала, так мы вместе учимся.

– А что, Сутин еще на кафедре заправляет? – спросила женщина.

– Куда он денется! – зло отвечала Алиска. И тут же между ними установилось понимание.

– И ведь никакая хвороба его не берет! – женщина была раздосадована новостью, хотя какая уж там новость – Сутин, вцепившись в кафедру единожды, мог отказаться от нее только ради более высокого поста, но подобраться к людям, занимавшим лакомые для него посты, не мог – они были не глупее его.

Алиска выложила на стол несколько книг и пакет с чипсами.

– Это ты напрасно, будет в горле першить. А скажи, когда ты поступала, Шемет еще был?

– Был, конечно! Он в середине года ушел... а аспиранты остались! – с неожиданной злобой выпалила Алиска.

– А что ж им свою карьеру губить? – спросила женщина. – Лучше всего ставить стакан минералки. Я тебе принесу. Ты хоть была на его лекциях?

– Нет.

Женщина поглядела на Алиску с недоумением – странно ей было, что студентка расстраивается из-за профессора, которого даже не слышала. И Алиска уловила это недоумение. Но объяснять, что именно связывало ее со старым Шеметом, девушка не желала. «Не время», – сказала она себе.

– Если будут проблемы – вот кнопочка. Я подключусь, вдвоем справимся.

– Хорошо.

– Ну, ни пуха!

Алиска послала женщину к черту и осталась в кабинке одна. Тут же вытащила она из сумки лохматую стопку распечаток и принялась править, черкать, одним фломастером рисуя длинные стрелки, другим – цифры в кружочках.

Тихо запел зуммер. Алиска щелкнула тумблером, и кабинку заполнил нечеловеческого тембра голос.

– Это служба доверия? Алло! Это служба доверия?!

Алиска приглушила звук, и голос сделался почти нормальным.

– Служба доверия слушает. Меня зовут Алиса. Я слушаю вас.

– Алиса? Сколько вам лет, Алиса? – голос был женский, в нем прозвучало недоверие.

– Мне тридцать два года, но разве это важно? Если я здесь работаю, значит, я умею помогать людям. Вы расскажите, что у вас случилось, а потом мы вместе подумаем, как быть.

Алиска заранее была готова к тому, что насчет возраста придется врать. Она лихо пристегнула себе лишних десять лет, ну, почти десять – двадцать три ей должно было исполниться только в декабре.

– Что случилось? Мне жить не хочется...

– Только круглому дураку никогда не приходят в голову печальные мысли, – сказала Алиска. – Если у человека есть душа, то он знает, что такое – тяжесть на душе.

– За что? – спросила незнакомка. – Что я ему сделала? Когда он без работы остался – я ему дурного слова не сказала! Когда Лешка болел... когда машину угнали... За что?

Это была древняя как мир история – мужик вообразил себя молодым. Жена, с которой двадцать лет прожито, сделалась не нужна. А потянуло на девчонку с модными ярко-красными волосами.

– За что?!

– Милая вы моя! – воскликнула Алиска. – Это же обыкновенное предательство! Предательство – и ничего больше!

– А я о чем говорю? Лучшие годы – ему, все – ему!...

– Да, все это так! Но всякому предателю отпущен срок, вы это знаете? – спросила Алиска. – Вы в Бога верите?

– В Бога? Ну, в церковь хожу... Вы про то, что нужно простить?

– Да нет же, я совсем про другое! Рано или поздно Бог пришлет того, кто все рассудит по справедливости...

– Не доживу я! – вскрикнула женщина.

– Нет, вы слушайте! Я расскажу вам одну историю – о том, как Бог прислал такого человека. И вы все поймете! Это старая французская легенда – но все это было на самом деле, вы уж мне поверьте! Жили два друга, Роланд и Оливьер, и они были побратимами. У Оливьера была младшая сестра Альда, и они с Роландом полюбили друг друга. Они уже должны были пожениться, но началась война. Король Карл позвал своих рыцарей, и Роланд с Оливьером тоже ушли в поход, а Альда осталась ждать жениха и брата.

– Что вы мне такое говорите? При чем тут Альда, жених и брат?

– Вы слушайте, слушайте! – Алискин голос крепчал. – Вы хотите, чтобы я помогла вам? Так это и есть моя помощь! Я расскажу вам о предательстве и о том единственном человеке, который назвал вещи своими именами! Ведь у вашего мужа наверняка есть друзья, приятели, родственники? И все – молчат, потому что это не их собачье дело? Да? Угадала? Так вот – слушайте, и я расскажу вам, как погиб Роланд и как целое войско пыталось оправдать предателя. Но нашелся один человек, который даже плохо знал Роланда, однако именно он однажды вечером, когда дружины остановились на привал, стоял за палаткой, ругал слугу, пустившего коней пастись на дурной луг, и вдруг услышал, как летит издали голос Роландова рога...

* * *

Смятение в войске росло. И не раз уже прозвучали слова: суд под королевским дубом!

Граф Гвенелон, которого Карл сгоряча велел взять под стражу, как-то непонятно опять оказался среди своих родичей и не расставался с саранским кастеляном Пинабелем, бойцом незаурядным и возвышавшимся над конным строем как башня. Гвенелон, мужчина статный, казался рядом с ним подростком. Справа и слева, сзади и спереди ехали овернские бароны, преданные Пинабелю.

Карл решил.

С вечера слуги ладили скамьи из дерна, овалом окружившие невысокий, но раскидистый дуб. Королевское кресло тоже было дерновым, спинкой ему служил дубовый ствол, а сиденье покрыли александрийской парчой из сарацинской добычи. Наутро же Джефрейт д'Анжу протрубил в рог – и бароны в лучших своих одеждах поспешили к дубу.

Они рассаживались – статные, в метущих по траве плащах, и у каждого плащ был заколот на правом плече драгоценной пряжкой, из-под длинных туник виднелись чулки, крестнакрест часто перетянутые узорчатой тесьмой, и мягкие кожаные башмаки. Все были при мечах, но не более. При боевых мечах, многие из которых носили громкие имена и имели приметный облик.

Сам Карл был опоясан славным мечом по имени Джойоз, в честь которого боевой клич франков был «Монджой!». Двое баронов его свиты, Рабель и Гвинеман принесли на суд меч Роланда, Дюрандаль, и меч его друга Оливьера, Альтеклер. Молчаливое присутствие мечей придавало собранию мрачную торжественность – мертвые безмолвно требовали справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.